

ДВЕРИ 520

СВЯТОСЛАВ ЭЛИС

Святослав Элис

Двери 520

«Спорт и Культура-2000»
2016

УДК 82-312.9
ББК 84-44

Элис С.

Двери 520 / С. Элис — «Спорт и Культура-2000», 2016

ISBN 978-5-91775-324-9

Вы чувствуете, что живы словно бы наполовину? Будто всё лучшее осталось в детстве, а сейчас вы – только серая тень? То же чувствовала и она. Дверь в квартире не выпускает её наружу, а из глубин разума прорывается нечто давно скрытое и подавленное. Привычные границы сознания раздвигаются. Это особая книга – она издана на деньги читателей. Сотни пользователей Boomstarter оставили пожертвования для того, чтобы эта история воплотилась в реальность.

УДК 82-312.9
ББК 84-44

ISBN 978-5-91775-324-9

© Элис С., 2016
© Спорт и Культура-2000, 2016

Содержание

Благодарности	5
Анима	6
I	6
II	9
III	13
IV	14
V	15
VI	16
VII	19
VIII	25
IX	26
X	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Святослав Элис

Двери 520

(Дорожный роман)

Я посвящаю этот роман всем светлым людям, которых я встречал в своей жизни
Святослав Элис

Благодарности

Здравствуй, читающий эти строки человек, я очень благодарен тебе за то, что ты купил эту книгу. Пусть она принесёт тебе радость. «Двери 520» – это особенная книга, она написана не ради денег, она просто созревала в моём сознании, как яблоко, а теперь я хочу разделить с тобой этот плод.

За роман с таким необычным сюжетом не хотело браться ни одно издательство, однако книга всё-таки вышла в свет благодаря читателям. Я хочу искренне поблагодарить каждого, кто поверил в меня и пожертвовал деньги на книгу на платформе Boomstarter. Я и представить себе не мог, что столь большому количеству людей книга окажется интересной настолько, что они захотят вложить в проект деньги.

А ещё я благодарю **Дмитрия Гайдука** – великолепного сказочника, легендарного растамана, писателя и просто хорошего человека за поддержку, которую он мне оказал.

И, конечно, я хочу поблагодарить все сообщества «ВКонтакте», которые вдохновились моим творчеством и безвозмездно рассказывали своим подписчикам о моей книге. Без вас я не собрал бы нужную сумму. Вот почему я хочу сказать спасибо чудесному паблику «**Держим Марку**», который первым отозвался на мой клич и поддержал меня в самом начале краудфандинговой кампании, когда успех ещё не был очевиден, группу «**Осознанные сны**» и её администраторов **Руслана Елисовецкого** и **Степана Юсина**, сообщество «**Дым на воде**» и его администратора **Андрея Викторовича**, администратора паблика «**velvet_cat_on_a_grave**» **Евгения Сулимова**, сообщество «**Fractalika**» с его чудесной подборкой искусства, паблики «**Борщ по-буддийски**» и «**Взрывные аудиокниги**». Также выражаю благодарность **Сергею Елису**, автору романа «**Люди радуги**».

Я очень благодарен читателям, пожертвовавшим на издание книги крупные суммы: **Денису Рогову**, **Ольге Проваторовой**, **Александру Терехову**, **Татьяне Цветковой**, **Анне Виноградовой** и особенно – **Вадиму Подрезу**.

Я благодарю **Юлию Омелу**, автора блога **ramellas** в **LiveJournal**.

Отдельно я хочу поблагодарить моего психотерапевта **Дмитрия Аношкина** за то, что работал со мной даже тогда, когда у меня не было денег, чтобы оплатить его время. И за то, что помог мне глубже раскрыть моё творческое начало.

Анима

I

Трогни, чтобы начать
Shazam

В последние дни на улице, не прекращаясь ни на минуту, идёт серый дождь. Я чувствую в нём что-то разрушительное, он будто смывает с меня остатки налипшей грязи, обнажая давно спрятанную под ней сущность. Наверное, это хорошо. Но в то же время он пугает. Я чувствую, что эти бесконечные и беспросветные дождливые дни запустили во мне какую-то ещё не ведомую мне самой химическую реакцию и теперь, даже когда запасы воды в тяжёлых, тёмных тучах окончательно иссякнут, всё уже не будет как прежде. Начнётся новая история.

Я пью всё больше горького, перезаваренного зелёного чая. Пью до тех пор, пока он не начинает пронизывать моё тело лёгким покалыванием, отдаваясь где-то в животе и груди нарастающим теплом бессмысленной энергии.

Чем дольше я смотрю, как стекают по стеклу капли, тем больше мне хочется просто замереть на месте, словно цветок в горшке, и ни о чём не думать, ничего не хотеть. Это похоже на сон наяву. Правда, сейчас я уже с большим трудом различаю реальность и грёзы, так что подобное словосочетание, вполне возможно, совсем лишено смысла, и я просто продолжаю засорять своё сознание пустыми словами просто потому, что боюсь взглянуть в лицо реальности.

Сейчас я понимаю, что все эти долгие годы я жила, словно заведённая на пружину игрушка. Может быть, поэтому сейчас я просто сижу здесь, словно окаменевшее изваяние, с чашкой чая. Может быть, я не двигаюсь, потому что работает какой-то космический закон сохранения энергии и сейчас я должна отдыхать за все те годы, что так быстро и бессмысленно носилась. А, может быть, я не могу ничего делать просто потому, что не знаю как. Прошлый тип движения для меня уже недостижим, ведь я не представляю, ради чего стоит вновь закрутить завод пружины.

Мне бы хотелось думать, что я – гусеница, которая замерла где-то в уютном месте, под самым жирным листиком. Она не понимает, зачем ползти куда-то дальше, да и не думает об этом, а тем временем из-под покрытой мягкими волосками зелёной шкуры уже выделяется слизь, которой предстоит затвердеть в кокон.

Неважно. Всё это словесный и образный мусор. На деле, единственное, что существует здесь и сейчас, – осознание того, что я просто сижу, спрятав тело в пропылившейся плоти старого кресла. Существуют стекающие по стеклу капли. Они занимают собой почти всё пространство моего сознания. Говорят, что вода – это источник всей жизни. Наверное, это действительно так. Однако сейчас мне кажется, что вода воплощает собой концепцию забытого времени.

Сколько лет моей жизни осталось за рамкой сознания? Если честно, мне даже страшно об этом думать, но мысли текут будто сами собой. Привычный и почти незаметный механизм вытеснения почему-то не срабатывает. Может быть, он тоже питался от той пружины? В какой-то момент ты вдруг с ужасом понимаешь, что никакого прошлого и никакого будущего не существует. Будущего нет, потому что оно ещё не случилось, прошлое же существует только в туманных и искажённых воспоминаниях. Да и воспоминания эти принадлежат не

мне, а какому-то другому существу, с которым у меня нет почти ничего общего. Как бы это описать? Мы всего лишь находились в одной струе.

Хотя, наверное, где-то в глубине моего мозга всё же находится скрытый от всех и даже от меня видеорегистратор, который хранит всё, что видели мои глаза. Он способен бесстрастно воспроизвести слипшиеся моменты, которые сейчас жалкими тенями смутных образов маячат в подвластных осознанному «я» областях сознания.

Наверное, я всё-таки помню почти всё, что со мной было, просто почти никогда не обращаюсь к этой бесконечной картотеке воспоминаний. Я помню яркие и бессмысленные картинки из раннего детства, помню смутные узоры, которые складывались в пространстве за веками и пугали меня после того, как мама укладывала меня спать в мою маленькую деревянную кроватку. Я помню, как в полудрёме заведённого на пружину автомата я посещала занятия в школе. Пожелтевший железный будильник с треснувшим стеклом звонил в семь утра странными дребезжащими перекатами. Школьная форма всегда лежала аккуратно сложенная на стуле около кровати, а собранный портфель оказывался прислонён к почерневшей ножке стола. И так раз за разом по кругу, будто заела клавиша replay.

Может быть, на моём заводном механизме действительно была такая клавиша и потому школьные годы я помню словно мутную, сваливающуюся последовательность пробуждений, слов, завтраков, перемен и домашних заданий. Больше почти ничего. Одно смутное и вялое ощущение-воспоминание для одиннадцати лет жизни.

Я могу вспомнить такими же мутными кляксами годы университета. Моё сознание помнит ритм, всё ещё чуть ощутимо пульсирующий на задворках памяти. Двенадцать минут на то, чтобы дойти до метро, двадцать пять минут на поезде, пятнадцать минут пешком от станции до здания. Потом – лекции, семинары и иногда сессии, а затем – ещё круг и ещё круг. После – красный диплом, и почти сразу же – новый ритм из череды рабочих дней и выходных.

Но вот чего я действительно не помню, так это того, просыпалась ли я хоть раз за всё это время, смотрела ли вот так на дождливые капли? Может быть, и да, вот только воспоминания об этом следует искать где-то ещё, вдали от наследия, оставленного мне пружиной.

Наверное, это вообще неважно сейчас. Была ли я самым послушным муравьём в выстроенной системе общества или нет, это осталось где-то вдалеке, потому что происходило с другим человеком, совсем не с тем существом, которым я являюсь сейчас. Это просто иллюзия, которую зачем-то бережно хранит моё сознание. По большому счёту, иллюзией является вообще всё. Даже понятие иллюзорности.

Я чувствую реальность только одного чувства – мне страшно. И поэтому для моего внутреннего «Я», этого тонкого напряжения, подвешенного во внутренней пустоте, совсем не важно прошлое и даже будущее. Оно просто сжалось в маленький, склизкий комочек. Грязное сгущение самости.

Я смотрю на дождь и ощущаю пронизывающую меня незащищённость. Сердце бьётся не быстрее обычного, но я чувствую, что удары отдаются пульсацией на сгибах рук и в правом виске. Я помню, что в последний раз дождь вызывал у меня страх ещё когда я была ребёнком, маленькой девочкой, которая не хотела по утрам вставать в детский сад. Не знаю, сколько мне было лет тогда, но сознание сохранило глубоко отпечатавшийся образ. Та маленькая девочка заматывалась в простыни и занавески, чтобы представить, что её обнимает воображаемая женщина-защитница, всесильная и способная всегда рассудить, кто прав, а кто нет, и исправить любую несправедливость. Можно было просто прижать лицо к ткани и чувствовать себя защищённой от всего, даже от страха дождя. Закрыть глаза и просто ощущать себя в безопасности. Сейчас так вряд ли получится, да и занавесок на моих окнах нет.

Вдох и выдох. Хватит воспоминаний. Я просто сижу в кресле, одетая в помятую серую футболку и нелепые, но удобные спортивные штаны, серые в клеточку. Я пытаюсь взять контроль над своим сознанием, но это не так-то просто. Мне снова, как тогда, кажется, что из полумрака дождя протянутся бесконечно длинные холодные руки. Они схватят меня за ступни, парализуют тело своим прикосновением и утащат за собой в какое-то далёкое место, в котором будет только темнота и холод.

Нужно сбросить с себя всё! Хватит, мне надоело. Заводных лет словно бы и не было. Сейчас я – та же девочка, которая боялась остаться одна в квартире. Сегодня – это просто следующий день той жизни. Просто моё тело неожиданно выросло, пока я крепко спала, убаюканная постукиванием раскручивающейся пружины.

Может быть, это даже хорошо, что мне страшно. Страх обострил чувства, заморозил убегающее время, позволил ясно и незамутнённо видеть. Но я всё-таки не хочу, чтобы мне всё время было неуютно. Может быть, в этом моя проблема, в том, что я стремлюсь к внутреннему комфорту и зажимаюсь в его тесных рамках?

II

*Дзен и искусство ухода за АК47,
Хлопок одной ладони придётся срочно освоить всем*
2H Company

Всё началось в мае. Я стала замечать, что с дверью моей квартиры что-то не в порядке. Может быть, она проржавела, не знаю. Металлическая громада, обитая синтетической кожей, стала нещадно заедать. Чтобы выбраться из дома на работу, мне приходилось несколько раз изо всех сил толкать дверь бедром. Лишь после двух-трёх ударов ручку удавалось провернуть и дверь с натугой открывалась.

Я раздражённо выскакивала, захлопывала дверь за собой и прокручивала замок на два оборота. Брелки на ключах жалобно позвякивали. Пластиковая кошка удачи с вытянутой лапкой ударялась головой о маленький китайский колокольчик с непонятными иероглифами. Я не выпускала связку из кулака, – ей предстоит ещё немного поработать с двумя последующими дверями, прежде чем я закину её в карман сумки.

Лифт – недостаточно быстрый способ передвижения для моего распорядка дня. Под быструю электронную музыку в наушниках я привычно сбегала по лестнице вниз. Ровно двенадцать минут быстрого шага, и вот я уже спускаюсь по эскалатору на станцию метро. Музыка в наушниках заглушает одинокий гул ламп, разрозненную речь сонных людей и гул поездов. Я ощущаю только вибрации составов, отдающиеся во внутренних органах своими инфразвуковыми ударами.

Ровно 27 минут с пересадкой через кольцо, и вот я уже на «Выставочной», ещё 4 минуты быстрого шага мимо продолжающейся стройки Эволюции. Теперь проходим через гигантскую крутящуюся дверь, плавно и бесстрастно отмеряющую входящих и выходящих. Вперёд, к турникетам. Прикладываю свою карту-пропуск к жёлтому кругу и прохожу внутрь. Несколько томительных минут ожидания лифта вместе с кучкой похожих на меня девушек и мужчин, что-то бессмысленно ищущих в своих смартфонах. Наконец большой быстрый лифт, чуть вжимая меня в пол, беззвучно летит на 44 этаж. Такая вот ежедневная космонавтика.

Откуда-то из основания моего позвоночника доносится лёгкое постукивание, это щёлкает завод пружины. Его никто не слышит. По мутноватым стеклянным стенам, возможно, бьют капли дождя. Но им сюда не пробраться. Свет люминесцентных ламп отпугнёт холодные руки. Пластиковые жалюзи спрячут от мутной утренней темноты.

Если посмотреть со стороны, то в мае всё в моей жизни было прекрасно. Пять лет работы были оценены по заслугам, меня повысили, зарплата выросла почти вдвое. Теперь я получала за один месяц, наверное, столько же, сколько среднестатистический работник где-нибудь в провинции имеет за полгода. Я стала чаще покупать в «Азбуке Вкуса» свой любимый сок из красных мандаринов прямого отжима, ещё я без угрызений совести брала с прилавка дорогой швейцарский кофе с карамельным привкусом. Он нравился мне за то, что бил по голове, словно молоток, моментально растворяя сонливость и изгоняя из сознания смутные ночные образы.

На новой должности я непрерывно рассылала пресс-релизы, звонила прикормленным журналистам из профильных изданий и, самое главное, следила за работой региональных пиарщиков, по результатам которой я составляла бесконечные отчёты, наполненные таблицами, цифрами и аббревиатурами, полного значения некоторых из которых не знала даже я сама. Достаточно ответственная должность, чтобы неплохо зарабатывать и не считать себя

изгоем общества, но недостаточно продвинутой, чтобы позволить себе слишком много свободы. Меня это устраивало.

К моему рабочему маку прилагался такой большой монитор, что я могла прятаться за ним, будто за ширмой, отделяющей меня от всего остального офиса. Это позволяло мне вполне комфортно существовать в собственном мире, даже несмотря на работу в полном опенспейсе. Посмотреть за мою мониторную ширму можно было безо всякого труда, но, по большому счёту, незачем.

Я чувствовала себя такой защищённой, когда погружалась в крупное кресло из искусственной кожи... Я устраивалась в нём поудобнее, ощущая знакомые шершавости поверхности, и ни о чём не думала в течение восьми часов. Пружины заставляли мои пальцы носиться по клавиатуре, рот будто бы сам собой говорил что-то в телефон. Моё «я» растворялось в этой рутине, и его это вполне устраивало.

Время от времени мне звонила по вайберу старшая сестра. Каким-то образом она всегда выбирала то самое время, когда я ещё на работе, но уже сделала все дела и просто бездумно пролистывала ленты в соцсетях, ожидая, пока цифры на часах сложатся в 18.00. Диана недавно переехала в другую страну и звонит мне скорее от скуки, чем потому, что действительно хочет поговорить. Настоящих тем для беседы у нас всё равно нет, да, на самом деле, никогда и не было, даже пока она жила в России.

Диана вышла замуж во второй раз и, похоже, прочно обосновалась в Европе. Её муж Джулиан, женившись, решил перебраться из квартиры в большой и светлый дом в пригороде. Диана, привыкшая к суете большого города, похоже, с трудом переходила на новый ритм жизни. Впрочем, прямо об этом она не говорила, так что, может быть, я просто додумываю за неё.

Диана уже была когда-то замужем, но всё, похоже, получилось не очень. Я никогда не вдавалась в подробности того, что у них там случилось, но я хорошо помню тот невероятный поток ненависти, который Диана исторгла из себя на суде по разделу имущества. Я никогда больше не видела её такой. У бывшего мужа она отсудила практически всё, что только можно, даже добилась размена квартиры, причём владеть полученным от него имуществом она отказалась. Практически все полученные деньги она потратила на безумные и бессмысленные вещи, которые затем с какой-то необъяснимой мне яростью постепенно уничтожала на протяжении последующих месяцев.

Избежала этой участи только квартира в Коньково, – её Диана подарила мне. А точнее, я просто нашла в своём почтовом ящике ключ от двери и бумажку (а если быть точным, – фантик от какой-то китайской шоколадки), с обратной стороны которой было неровно выведено почерком Дианы «Можешь ей пока пользоваться». Не знаю, насколько это можно считать подарком, а насколько услугой с моей стороны.

Я была в этой затерявшейся среди бесконечных панельных пятиэтажек квартирке всего три раза, она показалась мне неуютной и словно бы заранее проплесневелой. Прошло целых три месяца, прежде чем я всё-таки собралась и сдала её шумной и энергичной украинской семье, которая сумела изменить её до неузнаваемости. Каким-то чудом они уместились в однокомнатной квартире впятером, но, похоже, не упускали возможности постоянно ругаться друг с другом, конкурируя за ресурсы на ограниченной площади. Меня это, впрочем, не волновало, – требуемые деньги они всегда переводили вовремя.

Заводной механизм в спине плавно отмерял время, его вибрации резонировали с ритмом людей, стучащих по клавишам в офисе, отдавались в мерцании огней несущихся по третьему кольцу машин. Я – это часть города, и потому защищена от всех бед бесконечными бетонными стенами. Я – стрелка часов, а ещё ни одну стрелку не сбивал на улице пьяный водитель.

Единственное, что сбивало моё привычное течение жизни, – это входная дверь.

Я не брала отпуск уже несколько лет. Если честно, мне просто не хотелось проводить в сети вечер за вечером, выбирая себе какую-то дурацкую страну, а потом бежать в турагенство или мучиться с бронированием отелей и покупкой билетов только для того, чтобы заставлять себя осматривать поток достопримечательностей, которые в жизни выглядят блёклыми подобиями своих величественных фотографий в интернете. Начальство, похоже, принимало мою апатию за рабочее рвение. Несколько раз мне даже выписывалась повышенная премия.

Да что там говорить, я даже не любила выходные. Субботу и воскресенье я проводила в постели, ведь моя заведённая пружина не давала мне чётких инструкций о том, чем следует заниматься в свободное время. Я бесцельно лазила по интернету, читая статьи обо всём подряд, смотрела какие-то ролики на ютубе, заново перечитывала рабочую переписку. Время от времени я ходила в кино, чтобы посмотреть какой-нибудь фильм, – в основном, только что вышедшие в прокат блокбастеры. Не то чтобы я была поклонницей массового кино, просто я всегда выбирала первый попавшийся сеанс, не вникая в подробности, и попадала на такие вот зрелища.

Иногда на меня нападало желание просвещения, и я прочитывала на планшете треть какой-нибудь случайно подвернувшейся под руку книги. Но толку от этого было мало. Я редко дочитывала что-то до конца. В какой-то момент я понимала, что запуталась в именах и фамилиях и уже не улавливаю, что и почему происходит в сюжете. Моё сознание просто скользило по буквам, проговаривая внутренним голосом слова, но не воспроизводя стоящих за ними образов.

Чтобы не сидеть весь день дома, примерно в одиннадцать вечера я вставляла в уши наушники, включала на айфоне ритмичную музыку, выходила из дома и пробегала круг вокруг своего квартала. После этой десятиминутной пробежки я, абсолютно удовлетворённая, возвращалась домой и выпивала несколько чашек чая с мятой. На этот день можно было считать прожитым.

Я всегда тщательно чистила зубы. Сначала пастой, потом струёй воды из ирригатора и наконец на тридцать секунд отдавалась во власть мятного ополаскивателя. После я ложилась в постель, пятнадцать минут читала с телефона чьи-то посты в соцсетях, иногда мастурбировала, ничего особенного не представляя и не испытывая от физиологического спазма особого удовольствия, и наконец засыпала.

Я думаю, что в течение этих одинаковых, словно клонированных, выходных какая-то глубокая, скрытая часть меня уже знала, что это не продлится вечно. Это неосознанное предчувствие отдавалось горечью на дне вечерней чашки чая. Скальные породы моего сознания уже копили в себе напряжение, чтобы разразиться трещиной, отделившей в итоге меня сейчас от меня тогдашней.

Может быть, именно эта горечь неосознанного предвкушения заставляла меня видеть во сне дверь. Раз за разом тот сон практически не менялся. Я стояла обнажённая на холодном кафеле прихожей. Передо мной была дверь. Во сне она казалась неправдоподобно большой, от неё исходила какая-то особенная, еле ощутимая, но очень пугающая вибрация. Дверь медленно и как-то неестественно, словно в другом измерении, открывалась и закрывалась. Я стояла обездвиженная и наблюдала за этим. Так проходило несколько минут. Затем наконец дверь с гулким стоном захлопывалась, обдавая моё лицо потоком холодного воздуха.

Моё тело немело, превращалось в живую тюрьму из застывшей плоти. Дверь начинала медленно покрываться сетью вязкой паутины. Она зарастала так, что я уже не видела обивку, только бесконечную липкую массу. Паутина ложилась на лицо, её становилось всё больше и больше, я чувствовала, что не могу дышать. Дверь вновь начинала открываться и закрываться, и в проёме я видела бесконечную массу паутины, которая втекала в квартиру, чтобы затопить всё, замуровать и растворить меня. Слова, которые я пыталась говорить, настолько мучительно замедлялись, что тонули сами в себе, словно чёрная дыра.

Я просыпалась всегда в самый мучительный момент, глотая ртом воздух. Несколько секунд после пробуждения я лежала в кровати и дышала. Ночные образы быстро блёкли и забывались, но оставляли после себя смутное невротическое жужжание где-то в глубине живота. Обычно пяти минут хватало на то, чтобы полностью забыть сон, но это мерзкое, чуть осязаемое чувство преследовало меня иногда до самого обеда.

Я старалась не думать о двери даже в те минуты, когда толкала её, вытесняя из своего сознания в какие-то затхлые глубины всё связанное с ней беспокойство. Была одна странность, – когда цепочка защёлкнута, дверь всегда открывалась без малейших проблем и я могла выглянуть наружу. Толкаться приходилось только для того, чтобы открыть дверь полностью. Но я не думала и об этом, – я потрясающе хорошо умела ускользать от реальности. Я просто вычёркивала произведённые действия из поля внимания, отдаваясь во власть пружине, щелчки которой растворялись в музыке, которую наушники надёжно перегоняли из телефона в мозг.

Но каждый вечер, когда я закрывала глаза, чёрные точки, живущие за веками, начинали складываться в узор обивки на двери.

III

*Mary was a different girl
Had a thing for astronauts
Mary was the type of girl
She always liked to play a lot*
30 seconds to Mars

В середине июня открывать дверь по утрам стало настолько тяжело, что я начала испытывать приливы внезапного желания остаться дома. Они приходили ко мне словно из параллельной вселенной, внезапно захлёстывая волной усталости тело и сознание. Проходили несколько секунд, и этот поток схлынывал так же внезапно, как и приходил, но игнорировать само его существование, вычёркивая эти ощущения за границы осознанности, становилось всё сложнее и сложнее.

Но всё же это получалось. Когда я привычно стучала каблуками по ступенькам, тело уже было наполнено утренней энергией, на языке ещё стоял привкус кофе, а сознание было полностью захвачено ритмом музыки. Заходя в метро, я уже забывала о том, каким острым и отчаянным было желание сдаться, не толкать дверь, сесть на пол и положить голову на колени. После пересадки на кольцо сама мысль о том, что я вообще могу испытывать подобные чувства, начинала казаться странной, а после перехода на голубую ветку я и вовсе уже ни о чём не помнила, готовясь погрузиться в мир пластиковых жалюзи, люминесцентных ламп и вечно чересчур холодящих воздух кондиционеров.

Время от времени мысли о двери флешбеком настигали меня в обеденный перерыв, где-то после второго глотка кофе из купленного в Старбаксе стаканчика. Я отщипывала кусочек шоколадного маффина и закидывала его в рот, сладкая пористая плоть впитывала в себя горечь мыслей. Сахар волшебным образом глушит голову. Ещё несколько глотков кофе с карамельным сиропом, и я готова продолжать работу, окунувшись в выверенный и отлаженный строй повторяющихся по кругу мыслеобразов, перетекающих друг в друга, как разноцветные кристаллики в калейдоскопе.

IV

Om Shanti Shanti Shanti Om *Мантра покоя*

По-моему, планировку в моём доме разрабатывал параноик. Сейчас, когда я мысленно преодолеваю путь от квартиры до метро, мне становится страшно от количества дверей и замков. От чего они должны меня защищать?

Я закрываю глаза и представляю, что вместо клетчатых спортивных штанов на мне снова аккуратная тёмная юбка, вместо безразмерной серой майки – пиджак и блузка, чуть приоткрывающая приподнятую пушاپ-лифчиком грудь. Ноги закованы в полупрозрачную броню колготок, увенчанную чёрными туфлями на высоком каблуке. Я изо всех сил толкаю бедром дверь и быстро проворачиваю ключ. Она послушно распахивается. Я оказываюсь в небольшом закутке – общем на две квартиры пространстве, которое мои соседи заняли двумя остовами детских колясок и одиноким и, похоже, отвергнутым велотренажёром.

Я прохожу несколько шагов, привычно уворачиваюсь от торчащей ручки коляски и оказываюсь перед второй дверью. Если приглядеться, в её лакированной деревянной поверхности можно разглядеть собственное отражение. Я прокручиваю замок, и она мягко открывается, выпуская меня в тусклый полутёмный закуток – общее на четыре квартиры пространство. Ещё одна дверь, на этот раз тонкая и дешёвая. Роль ручки здесь выполняет острое колёсико, оставляющее на руках запах металла. Я проворачиваю его, выхожу наружу, захлопываю дверь за собой и оказываюсь у лифтов.

Вниз я всегда спускаюсь пешком – так быстрее. Я прохожу к не приметной деревянной двери, покрашенной белой краской. На ней есть замок, но она никогда не бывает заперта. За дверью скрывается бесконечная череда лестничных пролётов. Я привычно сбегаю вниз. Стук каблуков отдаётся от стен и потолка. Мимо мелькают одинаковые белые двери, за которыми повторяется всё тот же путь – лифты, пустые пространства и квартиры.

Наконец, я на первом этаже. Прохожу мимо скрывшейся за занавеской в своём крохотном закутке консьержки, краем уха ощущаю бессмысленный поток доносящихся оттуда телевизионных звуков. Впереди – ещё две двери, самые большие и внушительные. Внутренняя всегда открыта, она ведёт в небольшой предбанник, в котором поместилась застеклённая доска с объявлениями и стенд, заваленный бесплатными газетами. Ещё несколько шагов, и я около самой тяжёлой и толстой двери. Нажимаю тугую кнопку, и под немелодичный электронный скрежет, доносящийся из динамика, магнитный замок на секунду размыкается, чтобы выпустить меня наружу.

Я открываю глаза и снова оказываюсь в кресле. В последнее время я часто проделываю этот путь в своей голове. Чем больше я его представляю, тем более сложным и абсурдным он мне кажется. Словно гора камней на вершине скалы, которая дожидается малейшей вибрации, чтобы обрушиться на чью-то голову.

Я выглядываю в окно и окидываю взглядом дома, окружающие мой двор. Они точно такие же, как тот, в котором я живу. Тут у нас целый квартал домовблизнецов. Время от времени мокрые люди входят в подъезды и выходят из них, преодолевая в реальности тот путь, который я с таким трудом раз за разом проигрываю в своём воображении. Я немного завидую им и в то же время испытываю жалость. Бесконечные двери дают людям иллюзию защищённости, заставляют их чувствовать себя скованными. Также ребёнок перестаёт плакать после того, как мама крепко запеленает его в кокон из простыней. А я голая.

V

*Did you think that I would laugh
When you said I was small?
Did you think that that would pass
As if nothing at all?
You say a lot of funny things, my
little bunny
And I almost always laugh
But that's not really funny.*

Eels

Я помню, что совсем не удивилась в то утро. В 8.15 я по обыкновению в последний раз поправила волосы, прощупала карманы штанов, чтобы убедиться, что взяла карточку на метро, и уже ставшим привычным движением толкнула дверь бедром, а после – дёрнула ручку. Сила удара словно канула в пустоту, игнорируя закон сохранения энергии. Ещё до того, как я попробовала толкнуть дверь во второй раз, какая-то бессильная часть меня уже ясно понимала, что она не выпустит – не откроется.

Моё неосознанное «Я», давно вытесненное на задворки сознания, понимало это очень хорошо, ведь очевидно, что, на самом деле, это я сама отказывалась открывать дверь, непроизвольно проворачивая ручку не в тот момент и неправильно прикладывая удар. Но моё поверхностное сознание, та субстанция, которая чаще всего подразумевается под бессмысленным словом «я», ещё не открыло для себя этой истины.

Между моей пружиной – рябью на поверхности озера – и тёмными глубинами моей внутренней личности существовала крепкая прослойка льда, в которой не было ни одной лунки. Вот почему я раз за разом толкала дверь бедром, не обращая внимания на боль, а затем, оттолкнувшись ногами, врезалась в неё всем телом с разбега. От очередного удара из лёгких выдуло воздух, а в глазах на секунду потемнело. Даже не попытавшись повернуть ручку, я села на грязный коврик у входной двери и сбросила с плеча сумку.

Я ощутила всеобъемлющий прилив усталости, который захлестнул меня так естественно и так глубоко, что на несколько мгновений вытеснил из головы все мысли, эмоции и чувства. Я осталась в полной тишине. Стука снизу спины тоже не было слышно. Хотя это, конечно, всего лишь метафора.

Я сняла с ног туфли и отбросила их от себя. Со брав всю волю в одно большое усилие, я встала на ноги. Плитка коридора показалась невероятно холодной.

VI

*Будь то дом, звезда
или пустыня – самое
прекрасное в них то,
чего не увидишь глазами.*
«Маленький принц»

Парк казался загадочным оттого, что холодный синий свет фонарей смешивался с блёклым серым светом звёзд. Я стояла на узкой заасфальтированной дорожке, уходящей вперёд и теряющейся где-то в темноте. Асфальт был мокрым, босым ногам было холодно. На мне было надето белое ситцевое платье. Совсем как на советских девочках из старых фильмов.

Дорога завораживала меня. Идеально ровная освещённая линия, проходящая через темноту и ведущая туда же. Я не могла заставить себя сделать шаг вперёд. Я чувствовала себя совершенно беззащитной. Лес словно бы обладал собственной волей, злобным чужеродным сознанием. Он наблюдал за мной.

Я собралась с силами и сделала первый шаг по холодному асфальту. Потом ещё один и ещё один. Было беспросветно тихо и очень холодно. Деревья обступали меня со всех сторон, тянули ко мне свои разлапистые ветви, неестественно резко очерченные в синем свете фонарей. Почему-то пахло не хвоей, а сыростью и землёй.

Взгляд злой лесной воли жжёт меня морозом между лопаток, проникает всё глубже, растворяется в крови. Чем дальше я иду, тем меньше становятся ареалы света вокруг фонарей. Мне хочется взять кого-то за руку, сжать изо всех сил, вцепиться когтями в ладонь и почувствовать, как под пальцами пульсирует тепло. Этот агрессивный образ, навязанный страхом, стоит перед глазами очень ярко.

Небо заполнено звёздами. Их, наверное, миллионы или миллиарды. Я никогда в жизни не видела столько звёзд. Они мерцают, не освещая ничего на земле, словно бы отделённые от меня невидимым стеклом. Но я не позволяю себе любоваться ими, страх гонит меня вперёд.

Я иду всё быстрее и быстрее в надежде хоть немного согреться, но мороз проникает всё глубже под кожу. Деревья вокруг начинают покрываться льдом, асфальт под ногами обледенел и обжигает холодом ступни, отдаваясь спазмами где-то в мочевом пузыре. Я оглядываюсь вокруг – со всех сторон только замёрзший лес. Он больше не покачивается на невидимом ветру, парализованный слоем льда. Ощущение взгляда, буравящего мои лопатки, поблёкло.

Ноги уже совсем онемели, но мне ничего не остаётся, кроме как продолжать шагать вперёд по скользкому и острому асфальту. Надо мной простирается застывшее небо без луны, нависают ветви замёрзших деревьев, скованные коркой льда.

Один из фонарей ещё издали показался мне ярче остальных. Словно полярная звезда, он выделялся из массы тусклых огоньков. Я шла к нему, но он не приближался. Ну же, зачем ты так мучаешь меня?

Я ускорила шаг, но он, кажется, стал только ещё дальше. Лишь когда я уже потеряла всякую надежду, он неожиданно появился совсем рядом. Свет нещадно бил мне в глаза, ослепляя, но я чувствовала себя намного спокойнее. Холод отступил.

Свет отделился от столба, словно какое-то диковинное насекомое вспорхнуло с травинки, он поплыл вперёд. Неужели это для меня?

Сгусток света быстро несётся над дорогой. Я не хочу остаться в темноте и потому бегу за ним изо всех сил. Наверное, мои ступни в кровь сдираются об асфальт, но сейчас я этого не чувствую. Я бегу за светящимся шаром, который словно выгравировал свой контур на сетчатке моего глаза.

Он становится всё ярче. Внутри шара переливаются какие-то смутные тени. Кого-то из них я даже, кажется, узнаю. Мне вдруг становится тепло и приятно. Свет входит в меня. Откуда-то из живота по всему телу распространяется волна оргазмического блаженства. Словно бы меня ударили по голове, и удар высветлил каждую клеточку тела.

Я скучала по вам

Светящийся шар потух, я беззащитно рухнула, полностью ослеплённая наступившей тьмой и пронизанная сосущим ощущением незавершённости. Сердце всё ещё быстро бьётся. Оно стучит в висках, пульсирует на шее и на сгибе локтя. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу отпечатавшееся на сетчатке яркое пятно.

Проходит ещё несколько минут, прежде чем я вновь начинаю различать окружающий мир. Лес вокруг меня теперь сделан из железа. Стволы металлических деревьев покрывает толстый слой ржавчины. Я чувствую резкий запах плесени и гнилого металла. Я представляю, сколько здесь ядовитых грибков. Сейчас я вдыхаю их споры, они прорастут в моих лёгких. Я стараюсь не думать об этом. Мне ничего не остаётся, кроме как идти вперёд.

Дорога всё такая же идеально прямая. Тёмные участки сменяются пятнами фонарей. Каждый следующий блёклее предыдущего. С каждой минутой разглядеть что-то становится всё сложнее и сложнее. Дорога теряется в полумраке, и я следую ей скорее на ощупь, переходя от одного едва тлеющего огонька к другому. Их энергии едва хватает на то, чтобы быть видимыми.

Наконец дорога обрывается. Передо мной – чёрная вода. Может быть, маленький пруд, а может, целое озеро или даже море. Всё теряется во мраке. От воды веет влагой и холодом.

Я вижу, как бесконечное разнообразие звёзд на застывшем чёрном небе удваивается в отражении воды. А ещё в воде я вижу луну. Она колыхается от крохотных волн, дрожит, словно желе на тарелке. Как такое возможно? Луны нет на небе, но её отражение живёт в водной глади. Такая яркая и безжизненная.

Асфальт уходит прямо под воду. Дальше дороги нет. Я смотрю назад, фонари погасли. В них закончилась вся энергия. Неужели мне придётся плыть дальше? Меньше всего мне хочется касаться этой чёрной воды.

Мне кажется, что, если я поплыву, откуда-то из глубины поднимется существо. Оно схватит меня за руки и ноги, – и вот я уже задыхаюсь, глотаю холодную воду. Я трясую головой, отгоняя зародившийся образ. Чтобы преодолеть внезапно показавший себя страх, я пробую ногой воду. Но мои пальцы так и не достигают чёрной глади. Вода под ногой превратилась в лёд. Надо же. Я медленно поставила рядом вторую ступню. Я стою на воде.

Я медленно шагаю вперёд, морщась от прикосновений острого и холодного льда, впивающегося в ступни. Откуда-то из-под воды исходит мягкий лунный свет. Мне кажется, что я вижу свою тень на небе, словно оно – всего лишь низкая хрустальная сфера.

Шаг за шагом, шаг за шагом. Шаг. Потом ещё шаг. И вот я уже одна посередине тёмной бесконечности. Не ясно, правильно ли я иду. Не помню, откуда я пришла. Надо мной звёзды. Подо мной – их отражения. А может быть, и наоборот. Мне остаётся только каждый раз надеяться, что при следующем шаге кромка льда всё же появится и я не провалюсь в воду. Я делаю шаг, а потом ещё один. Я иду без определённого направления.

Впереди островок. Совсем крохотный. Я увидела его где-то на горизонте поля зрения. Просто маленькое возвышение над чёрной водой. Я почти что бегу к нему, забыв обо всём. Больше всего мне хочется оказаться на твёрдой земле. Вот она, уже совсем рядом. Я прыгаю и цепляюсь ногами за пронизанную засохшими корнями каких-то растений глину. Моё платье тут же покрывается грязью. Я не обращаю на это внимания. Нужно просто подтянуться. Ну же. Получилось.

Я поднимаюсь с коленок и делаю глубокий вдох, выпуская в свои сжатые от напряжения лёгкие поток холодного воздуха. Это даже не остров – просто клочок земли в несколько метров шириной. Травы под ногами нет – только глина и корни. И большой каменный колодец.

Зачем он нужен на крохотном островке посередине озера? Это пугающе бессмысленно. Я подхожу к колодцу, не решаясь заглянуть внутрь. Воздух пронизывает странный электрический запах. Моё сердце испуганно бьётся.

Я делаю ещё несколько вдохов и заглядываю. Внутри – только вязкая, упругая, почти одухотворённая темнота. Наверное, именно такой темнотой была окутана Вселенная до того, как прогремел Большой взрыв. Я чувствую, что она словно бы слегка вибрирует, отдаётся всполохами внутри моей груди.

Мне страшно находиться рядом с колодцем. Нужно уходить. Мне вдруг начинает казаться, что остров готов меня съесть, что ноги сейчас начнут увязать в глине. Нужно уходить отсюда, нужно найти другой берег.

Я подхожу к краю и делаю шаг в воду. Всё тело захватывает чернота и холод. Вода ослепляет, попадает в нос и рот. Я уже не знаю, где верх, а где низ. Под руку попадается какой-то корень. Я хватаюсь за него и пытаюсь выбраться, но меня словно бы тянет вниз что-то невидимое. Ноги не слушаются. Лёгкие скорчились в огне от невозможности вдохнуть. Страх вытесняет все образы из головы, растворяет мою личность. Я вкладываю всю силу в руки. Вперёд. Давайте!

Наконец, я подтягиваюсь на сухом корне, жадно цепляюсь за вязкую грязь глины и вываливаюсь обратно на сушу. Земля пульсирует, словно живое существо, я чувствую это щекой. Неважно. Я кашляю и дышу.

Идти мне некуда. Неужели это конечный пункт пути? Всё тело дрожит от холода. Я такая слабая. Мне хочется лежать и больше не вставать. Просто лежать и смотреть на звёзды, чувствовать, как земля пульсирует в унисон с сердцем. Ко мне подступает темнота. Хочется сдаться и погрузиться в неё, но я трясую головой, сплёвываю набравшуюся во рту вязкую слюну и заставляю себя встать. В глазах бегают мушки, голова наполнена тонким звоном на грани слышимости.

Похоже, это конец дороги. Идти мне больше некуда. Я подхожу к колодцу и наклоняю голову в темноту. Разглядеть бы хоть что-нибудь там, внизу. Бесполезно.

Другого пути нет. Я сажусь на бортик колодца, уцепившись руками за поросший плесенью камень, в последний раз смотрю на бесконечную пелену звёзд и покрытое рябью отражение луны. Делаю несколько глубоких вдохов. Полная тишина вокруг, – в этом мире нет звуков. Это ещё страшнее, чем темнота. Я выдыхаю и спрыгиваю вниз.

VII

*И всё, что копили,
Обернётся в прах.
Не помогут даже
Кришна, Иисус и Аллах.
Но если вдруг Майя потерпит крах,
Мы сможем найти
долгожданный ништяк.*

Botanic Project

Я открыла глаза. Всё тело пропитано ощущением падения. В голове стучит, кожа покрыта вязким, нездоровым потом. Я села на кровати и потрясла головой, – в висках гулом отдалась занудная, тяжёлая боль. Делаю несколько глубоких вдохов. У меня такое ощущение, словно где-то внутри меня скопилось много грязи. Она в лёгких, в желудке, под кожей.

Нужно встать. На улице уже, похоже, середина дня. В комнате душно, но меня всё равно знобит. Я отыскиваю пульт, устанавливаю кондиционер на 27 градусов и иду в ванную. Здесь я долго и тщательно чищу зубы, пока белая пенка выплёвываемой пасты не становится розоватой от крови. Я промываю рот ополаскивателем и залезаю в ванну. Выкручиваю кран, чтобы вода стала горячей, почти обжигающей, потом засыпаю немного морской соли. Не удовлетворившись, я кидаю в воду ещё и пенную бомбочку, которая наполняет воздух в ванной цитрусовым ароматом.

Я скидываю пропитанную потом серую футболку и бросаю её в стиральную машину. Туда же отправляются трусы. Я плюхаюсь в обжигающе горячую пену, – тут же становится легче, яркие ночные образы путаются, отходят на второй план, обратно, в подсознание. Я снова чувствую себя собой, что бы это ни значило.

Я провожу в горячей ванне ещё, наверное, полчаса, пока у меня не начинает кружиться голова. Я трогаю себя за виски, несколько раз ударяю себя по щекам и начинаю споласкиваться под прохладным душем, который наполняет тело электрической энергией теплового перепада. Наконец я выбираюсь из ванны и насухо вытираюсь полотенцем.

На полу набралась большая лужа воды, но вытирать лень. Я провожу полотенцем по запотевшему зеркалу и вглядываюсь в отражение. Влажные волосы чёрными жгутами раскинулись по плечам, лицо покраснелось, но тёмные разводы, въевшиеся в кожу под глазами, всё равно заметны. Несмотря на то, что мой образ жизни без выхода из дома вряд ли можно назвать здоровым, я выгляжу даже слегка посвежевшей. Лучше, чем несколько месяцев назад, – это точно.

Провожу рукой по шее, зачем-то хватаю себя за косточку ключицы, по очереди приподнимаю левую и правую грудь, оттягиваю кожу на животе. Похоже, что я в полном порядке. Из-за этого я чувствую какое-то странное чувство неудовлетворённости. Какой-то полумертвой сущности внутри меня хочется себя пожалеть, ей кажется, что для гармонии мне нужно быть, как минимум, больной раком. Не буду давать ей волю. Самоуничтожение мне ни к чему.

Я выхожу из ванной. Мне предстоит ещё целый день жизни. В последнее время я радуюсь этому чувству предвкушения. Оказывается, я люблю не знать, чем буду заниматься. Не одеваясь, я иду на кухню. Потоки воздуха приятно холодят влажную кожу. Я выливаю воду из фильтра в чайник и нажимаю на кнопку. Пока вода готовится вскипеть, я поднимаю руки вверх, изо всех сил вытягиваю спину, затем делаю несколько наклонов.

Припомнив уроки йоги, я пытаюсь принять позу собаки мордой вниз, уперевшись руками в плитку пола. Спина приятно похрустывает, я чувствую, как мышечные зажимы

расправляются. Мне хочется довести это до конца. Я плюхаюсь на пол голым животом и принимаю позу собаки мордой вверх. Позвоночник награждает меня за этот манёвр фейерверком хруста, напоминающего массовое уничтожение залежей пупырчатого полиэтилена. Я чувствую щемящую лёгкость в спине. Закипает чай. Я всё ещё не знаю, с чего начать день.

Заглядываю в холодильник и обнаруживаю, что еды осталось негусто, однако ситуация пока не критическая. Я намазываю на хлеб масло и с удовольствием откусываю кусочек бутерброда, запивая его молочным улуном. Заглядываю в телефон – сегодня 3 августа, ровно 51 день с тех пор, как дверь не выпустила меня. 51 день дома.

И всё-таки лучше купить продуктов сейчас, не дожидаясь, пока кончится решительно всё. Я закидываю остатки бутерброда в рот, подхватываю чашку чая и возвращаюсь в комнату. В углу, на полу, валяется мой макбук. Он уже успел слегка запылиться. Теперь я редко им пользуюсь. Это может показаться странным в моей ситуации, однако во мне народилось какое-то стойкое чувство неприятия интернета, я не захожу в него без крайней необходимости.

Чуть чаще я пользуюсь большим аймаком, который стоит на столе, он не подключен к интернету, в нём не работает Wi-Fi-модуль, и этим он мне нравится. По вечерам я смотрю на нём старые фильмы, иногда слушаю музыку. Вчера я пересматривала антологию Яна Шванкмайера, а в перерывах слушала записи Джона Леннона. Я даже подпевала, к глазам почему-то подкатывали слёзы. Наверное, он, правда, очень любил свою Йоко.

А песню Imagine я вчера послушала, наверное, раз десять. Круг за кругом. Правда подпевать ей я почему-то не решалась. А теперь мне, по-моему, даже включать её нет смысла. Стоит немного сконцентрироваться, как музыка сама начинает играть в голове.

Imagine all the people
Living for today
Imagine there's no countries
It isn't hard to do
Nothing to kill or die for
And no religion too

Я открываю крышку макбука, нажимаю кнопку и жду, пока он неторопливо прогрузится. Я проверяю, что он словил сеть, запускаю браузер и быстро захожу на сайт магазина – заказываю себе фруктов, гречневой лапши, 10 двухлитровых бутылок сока, замороженных овощных смесей и замороженных шампиньонов, ультрапастеризованного молока, печенья и много другой еды. Ровно столько, сколько сможет принять мой холодильник и кухонные шкафы.

Еды, которую я заказала, должно хватить на полторы-две недели, а то и дольше. Я указываю время доставки – 19:15. Теперь остаётся только подтвердить оплату по карте.

Около семи часов вечера моя соседка с завидным постоянством уходит на посиделки к своей родственнице на этаж выше, оставляя внешние двери открытыми. Тогда весь процесс получается довольно простым – я открываю курьеру домофон, он поднимается на лифте, беспрепятственно проходит через разделяющие нас внешние двери и оказывается прямо перед моей. Я приоткрываю дверь на цепочку, и он просовывает пакеты в щель. Если они не проходят, приходится сначала кидать продукты по одному. Это унижительно, но терпимо. Я думаю, курьеры уже привыкли и считают меня просто очередной полусумасшедшей. В этом городе чужие заскоки мало кого удивляют.

Однако бывает и такое, что моя соседка вдруг решает ни к кому не идти. Тогда приходится объяснять курьеру по телефону, что я не могу открыть дверь, что ему нужно позвонить в соседнюю квартиру и попросить открыть их. Всё это для меня большой стресс, мне

хочется сжаться в комочек, наплевать на все продукты, выключить телефон и запереться где-нибудь в ванной. Но я держу себя в руках – терпеливо дожидаюсь, пока курьер всё-таки войдёт, забираю у него пакеты, просовываю в щель 100 рублей чаевых из оставшихся у меня запасов налички и с облегчением захлопываю дверь. Провиант пополнен. Голодная смерть мне определённо не грозит.

Несмотря на то, что мои запасы наличных денег пускай и медленно, но истощаются, на банковском счету средств становится всё больше. И это, несмотря на то, что я больше не хожу на работу и, пожалуй, являюсь типичным паразитом, присосавшимся к блестяще отлаженной системе общества.

У меня и так были довольно неплохие накопления – раньше тратить было особенно некуда. Ещё пока я работала, на жизнь уходило обычно не больше половины зарплаты. Не то чтобы я на что-то копила. Просто деньги оставались.

Когда я не вышла на работу, несколько дней мне даже никто не звонил. Только на четвёртый день начали раздаваться настойчивые звонки. Я не брала трубку, чувствуя себя маленькой нашкодившей девочкой. Один, два, три, четыре звонка за день. На следующий день – ещё два. И, наконец, на третий – последний звонок. Я успела возненавидеть мелодию на своём телефоне, так что попросту включила беззвучный режим и положила айфон на мягкий стул экраном вниз. Выключать его мне почему-то не хотелось. Мне казалось, что этим жестом я словно бы признаюсь в каком-то преступлении, подтверждаю, что намеренно скрываюсь.

Звонки прекратились, но через неделю, к моему удивлению, мне пришла автоматическая СМС от «Сбербанка» – на мою карточку как ни в чём не бывало упала зарплата.

Оказывается, когда живёшь, не выходя из дома, для хорошей жизни вполне хватает 20–25 тысяч. На эти деньги можно покупать качественную еду, разные мелочи для умывания, заказывать лекарства в аптеке и даже диски с фильмами. Если просто перестать думать о том, что думают о тебе другие люди, не приходится тратить денег на товары с излишне наглой маржой. Не нужна статусная одежда, тональные кремы, которые оцениваются в несколько тысяч рублей за несколько сотен миллилитров. Не нужны чашки кофе из «Старбакс» по 250 рублей, билетики на метро по 30, не приходится ездить на такси за 500. Сейчас, когда я думаю об этом, мне кажется, что люди по большей части ходят на работу, чтобы оплачивать возможность ходить на работу. Я выскользнула из этой системы.

Украинские поселенцы, оккупировавшие квартиру моей сестры, продолжают стабильно переводить на мою карточку дань, так что я чувствую себя каким-то петербургским дворянином XIX века, который живёт за счёт доходов от крохотной губернской деревеньки. Но это так, фантазия. Связи с дворянами у меня, конечно, нет. Я хуже их. Я иждивенец этого общества, потребляющий товары и ничего не производящий, кроме мусора.

Мусор... Ох, с ним особенная история. Обычно я ловлю в коридоре соседского мальчишку. Не помню точно, как его зовут, по-моему, Боря. Я задабриваю его пятьюдесятью рублями или какой-нибудь приятной съедобной мелочью, просовываю ему наполненные мусором трёхслойные мешки и прошу выкинуть их в мусоропровод.

По-моему, он считает меня чем-то вроде привидения, но пока что ни разу не отказывал. Что ж, и на том спасибо. Если же Боря долго не показывается мне на глаза, приходится, стесняясь, просить о том же самом курьеров. Они соглашаются далеко не всегда. Один раз под покровом ночи я даже выбрасывала пакеты в окно, стараясь кидать их вбок, под чужие окна, чтобы избежать разоблачения. Пикантности ситуации придаёт тот факт, что под окнами у меня цветник с небольшими фонтанчиками и слегка потёртыми садовыми гномиками. В ту ночь я не смогла уснуть из-за стыда и беспокойства.

Удивительно, сколько же современные товары оставляют после себя мусора. Раньше я иногда фоново слышала о надвигающейся экологической катастрофе, но никогда так явно

не ощущала неправильность того, что каждый кусочек еды скрывается за бесконечными слоями упаковки. Конечно, с какой-то стороны это удобно. Пластик и полиэтилен – это два основных двигателя современной экономики. Именно при помощи упаковки производители превращают свои товары из банальной съедобной субстанции в «товар-услугу». Это позволяет многократно повышать маржу. Пожалуй, большинство людей в мире подобная ситуация устраивает, однако она перестала устраивать меня в тот момент, когда я выкидывала из окна скопившиеся мусорные пакеты, а уши обжигающе горели от стыда. Боже мой, зачем я об этом опять вспоминаю?

Я захлопываю макбук и возвращаюсь на кухню, чтобы заварить себе кофе. Две чайные ложки швейцарского Bushido, полкрышечки кленового сиропа, кипяток и щепотка корицы. Пока вода в чашке остывает, я вдыхаю запах. По-моему, в мире очень мало вещей, которые лучше уютного запаха кофе с корицей. Он прогоняет любые грустные мысли, оставляя только невнятные, но приятные образы в голове.

Я делаю глоток и встаю перед окном, глядя на бегущие над домами тучи. Если подумать, то паразитов в нашей денежной системе множество, не я одна такая. Деньги – это способ обретения власти над людьми. Вся система общества выстроена так, чтобы люди радостно и беспрекословно отдавали самих себя в распоряжение других людей.

Причём власть – это абсолютно любой объём денег. Даже если у меня в кармане всего 30 рублей, я могу подойти к ларьку у метро и сказать: «Дайте мне этот пирожок». И толстая, некрасивая женщина, которая только что присела на покосившуюся табуреточку из-за боли в ноге, проклиная про себя всё на свете, встанет, возьмёт пирожок, засунет его в микроволновку, выждет тридцать секунд и достанет его оттуда, осторожно хватаясь салфеткой за надувшуюся полиэтиленовую упаковку. Женщина смахнёт три крохотные десятки в пластиковую крыночку из-под сметаны и хмуро протянет мне замотанный в броню из полиэтилена и салфеток пирожок, а после вернётся на свою покосившуюся табуретку восстанавливать душевное спокойствие. И это – власть всего лишь тридцати рублей.

Люди, которые разрушают систему, на самом деле любят её намного больше всех других, потому что она позволяет жульничать – получать деньги, играя на валютных курсах, биткойнах, перепродаже акций на биржах. Люди получают из воздуха огромное количество власти, ничего не давая взамен, аккумулируют ресурсы, отыскивая слабые места. Я тоже ворую власть над людьми, но на низшем уровне, просто сдавая ненужную мне квартиру.

Если вдуматься, то это очень странно. Только лишь потому, что у меня в распоряжении есть крохотная однушка в Коньково, люди на фабриках стоят за бесконечными конвейерами, обрабатывают и фасуют кем-то выращенную еду, потом везут её на кораблях и поездах, перетаскивают в грузовики, а оттуда – на склады. Хмурые девушки за устаревшими компьютерами обрабатывают мой заказ, замотанные курьеры тащат мне пакеты с товарами. Я потребляю труд тысяч человек и ничего не даю взамен.

Я допиваю кофе из чашки и наливаю себе ещё. И всё-таки я кофеиновая наркоманка. Иногда мне кажется, что я живу только ради этих моментов кофеинового просветления. Я делаю большой глоток ароматной жижи, ещё немного приближаясь ко входу во врата кофеинового рая. Да, наша система – это бесконечная погоня за обманом. Для большинства людей единственный шанс выйти за её рамки – заработать огромное количество денег, чтобы свободно использовать других людей, не отдавая им взамен своё время, стать царём с бесконечным количеством подданных или дворянином с неограниченным ресурсом крепостных.

Ради этой мечты, воспетой фильмами, рекламными образами, плакатами и фальшивыми статьями в модных журналах, люди всё усерднее подчиняются системе, надеясь однажды обскать её. Реклама стимулирует работать и подчиняться усерднее, чтобы удовлетворить навязанные ей новые потребности. Противоестественная система. Мне кажется, я начинаю немного понимать коммунистов.

Что ж, я нашла для себя почти идеальный способ выйти из системы и теперь могу забирать, не отдавая. Достаточно было просто уменьшить свои потребности и жить на ренту. Вот, собственно, и способ победы над величайших монстром, созданным человечеством. Звучит просто и, честно говоря, пошло.

Много лет назад, когда американские и английские колонизаторы осваивали острова вокруг Новой Зеландии, они столкнулись с проблемой. Местные аборигены не хотели на них работать и не интересовались деньгами. Товары европейцев были им просто не нужны, а голод они легко удовлетворяли, срывая фрукты с плодоносных южных деревьев или охотясь на дичь. Европейцы были обескуражены, они не знали, как заставить дикарей работать на себя. Помогла власть христианства – после обращения дикарей в католичество прямо в церквях проводили уроки по курению табака. Каждому аборигену раздали по трубке. Теперь привыкшим к курению людям нужно было хотя бы немного денег для того, чтобы удовлетворить свою потребность в западном наркотике. Это стало первым шагом, заставившим их вступить на дорогу бесконечной работы ради европейских товаров. Когда я думаю об этом, то понимаю, что с тех пор ничего не изменилось – методы стали изощрённее, но суть всё та же.

Я гляжу на разводы в пустой чашке. Интересно, по растворимому кофе можно гадать? Вряд ли. Ополаскиваю чашку под краном и возвращаюсь в комнату. В последние дни я постоянно залипаю на разные мысли и концепции. Время от времени я словно рассказываю лекции-монологи воображаемому собеседнику. В эти минуты я чувствую духовный подъём. Наверное, мне нужно было идти в аспирантуру, а потом оставаться преподавать. Может быть, тогда моя жизнь сложилась бы по-другому.

Мне вдруг начинает казаться, что в квартире слишком тихо. В последние дни я почему-то боюсь тишины. Я иду в ванную и снова набираю в рот ополаскиватель, чтобы на зубах не отложился налёт от кофе. Смотрю на себя в зеркало. Сплёвываю.

Нужно чем-то занять своё время. Кофеин по-прежнему играет в крови, не позволяя расслабиться. У кофейного рая есть и обратная, адская сторона – два в одном по цене трёх в пяти. Может быть, просто что-нибудь посмотреть?

Мой выбор останавливается на старом голливудском фильме «Open» – гордом детище далёкого 1976 года. С первого же взгляда на обложку я заключила, что кино определённо может похвастаться комичными кустистыми бровями Грегори Пека, олицетворявшего, должно быть, идеал красоты того времени.

Я расправляю скрученный ватман, прикреплённый к стене, закрываю жалюзи на окнах и вставляю в компьютер HDMI-кабель. Долго не получается найти пульт от проектора. Иногда вещи прячутся от меня, словно в моём доме живёт злой дух, который закидывает предметы в самые неожиданные места. Представим, что его зовут Гоги.

Я обхожу квартиру, рассеянно обводя глазами предметы. У меня слишком много разбросанной одежды, она скрывает за собой поверхности. Нужно будет прибрать. Наконец я обнаруживаю пульт завалившимся за батареей.

Спасибо, Гоги.

Я включаю проектор и погружаюсь в пугающий мир католической легенды про дьявольского ребёнка. Фильм, если честно, по-голливудски бездарный. Но в последнее время меня привлекает именно искусство низкого пошиба, – в него образы высшего уровня входят словно сами собой, помимо желания авторов. Это завораживает.

Ровно в семь раздался звонок домофона. Не поднимая трубку, я сразу нажала на клавишу с ключом, приоткрыла дверь на цепочку и выглянула наружу. Соседка добропорядочно оставила внешние двери открытыми, так что проблем возникнуть не должно. И действительно, уже через несколько минут курьер просунул в щель пакеты с заказом, торопливо забрал чаевые и удалился. Я даже не разглядела его лица. Идеально.

Я заняла себя сортировкой продуктов по полкам холодильника и шкафа, – в голове как бы сами собой переваривались картинки из фильма. Образы мальчика-дьявола причудливо сливались с полуистлевшими обрывками моего ночного сна, и я почувствовала, как по спине забегали волны холода.

Чем позже становилось, тем меньше во мне оставалось от дневной расслабленности. Где – то внутри зарождался страх. Около одиннадцати, пока я пыталась сконцентрироваться, чтобы читать историю про Мумми Тролля, пошёл дождь. Я снова почувствовала себя беззащитной.

Как же я ненавижу дождь. У меня начинается приступ клаустрофобии. Кажется, что вода подточит стены, они обрушатся на меня и придавят мне грудь. Мне вдруг сильно захотелось выкурить сигарету, жаль, что у меня дома их нет. Тлеющий огонь, подконтрольный моей власти, успокоил бы меня.

Нужно успокоиться без этого. Я представляю другую себя – сильную, уверенную, немного развязную. Я стою в шипованной кожаной куртке у андеграундного рок-клуба и лениво грызу в зубах сигарету, красную Marlboro. Я сексуально выпускаю изо рта клубы дыма, а откуда-то из-за моей спины доносятся приглушённые энергетические раскаты гитар.

Этот образ помогает. Мне немного легче. Я больше не чувствую себя маленькой беззащитной девочкой, и дождь уже почти не пугает. Какая же беспощадная вещь эти детские образы – остаются на всю жизнь, и никак, ничем, кроме, наверное, лоботомии, их не вывести. А я бы с радостью забыла половину своего детства, а может быть, и больше. Тогда бы я не дрожала сейчас вся в поту от безобидного летнего дождя. Но холодные руки по-прежнему тянутся ко мне откуда-то из-за окна. Какой-то тонкий, чуть слышный уху звук исходит от входной двери. Она злорадствует, чувствуя свою власть надо мной. И я лишь испуганная пленница, что бы я ни представляла в уме.

Я встаю и качаю головой из стороны в сторону. Нужно прийти в себя. Хватит. Дождь сейчас прекратится. Я иду к своему письменному столу и беру оттуда эту чёрную тетрадь – дневник моих размышлений. К последней странице прикреплена чёрная шариковая ручка Pilot. Она мне нравится, держа её в руке, я чувствую себя спокойнее.

Я пролистываю несколько страниц, чтобы отодвинуться подальше от других записей. Нужно просто что-то написать, придумать маленькую историю. Никаких особых идей мне в голову не приходит, поэтому я просто пишу первое предложение, надеясь, что дальше мысли польются сами собой. Пусть это будет сказка. Я уже достаточно большая девочка для этого.

Много лет назад маленький мальчик уронил в пруд зеркало, в которое он смотрелся целыми днями. Отражение мальчика смыло, и оно слилось с бесконечным отражением неба, затерянным в воде.

С тех пор мальчик больше не мог любоваться на себя ни в одном зеркале, – в отражениях он видел только зеленоватые от водорослей облака и небесную пустоту.

Однажды, во время грозы, вместо себя мальчик увидел в зеркале яркую молнию. Он закрыл глаза и через секунду ударил всем телом в пруд, пронзив его потоком электричества. В свете вспышки мальчик увидел на дне пруда свое смываемое отражение.

«Пусть здесь и останется», – подумал он и поднялся в небо облаками пара из вскипевшей воды.

VIII

*Из точки «А» в точку «Б»
Вышел юноша бледный
Со взором горящим.
По дороге слегка располнел,
Пропил доспехи,
Женился на прачке.*

Oxxxymiron

Я отложила тетрадь, пристально вгляделась в неаккуратные загогулины своего почерка и встала из-за стола. Дождь уже почти прошёл. Молний не было. Меня не смует, а если и смует – не страшно. Я не черепаха и могу жить без панциря.

Нужно умыться и просто лечь спать. Закрыть глаза и опуститься в мягкий сон, чтобы не было кошмаров, – только уютная темнота и хоровод добрых лиц. Не откажусь и от эротического сна. Только бы больше не дрожать под дождём.

Я иду на кухню и согреваю себе в микроволновке стакан горячего молока, беру его в руки и подхожу к окну. Окна окрестных домов напоминают мне витрины какого-то причудливого зоомагазина, – люди беззвучно бегают по своим бессмысленным делам за тонкими немытыми стёклами. Всё-таки высокая концентрация населения большого города – это так неестественно. Невольно начинаешь смотреть на других людей, как на бессмысленное скопление зверушек. Может, поэтому большие города так захлёбываются в эгоизме своих жителей?

А, с другой стороны, если подумать, большинство людей и впрямь живут совсем как звери, бесконечно удовлетворяя свои потребности в еде и выполняя только базовые полезные функции, полученные в результате дрессировки в техникумах или институтах. Девяносто процентов окружающих людей не могут нормально справиться с банальными, простейшими вещами, которые им поручены. Сантехники плохо чинят краны, таксисты вечно увозят не туда, куда нужно, врачи назначают не те лекарства. Это общество держится на лени большинства и всеобщем обмане.

Оставшиеся десять процентов людей можно назвать интеллектуальной элитой. Они умеют думать, способны к абстрактному мышлению, нередко ясно осознают сложившееся положение вещей. Вот только у каждого, кто мне встречался, был свой невроз, своя неестественность или негармоничность. Иногда мне кажется, что я – последний адекватный человек на земле. Хотя, наверное, странно это слышать от того, кто сжимается в комочек во время дождя и почти два месяца не выходит из дома.

Я иду в ванную, чищу зубы и брызгаю в лицо тёплой водой. Теперь я готова ко сну. Чтобы не замёрзнуть, я ставлю кондиционер на 25 градусов.

IX

*Помните, тишина – иногда самый лучший ответ на вопросы.
Далай Лама XIV*

Вокруг меня – паутина из проводов. Они нависают со всех сторон причудливыми связками, опутавшими покосившиеся столбы. Я чувствую высоковольтное гудение. Оно пробивается внутрь меня, заглушая ритмы тела. Это пугает. Бесконечные змеи окутывают город потоком электромагнитных полей. Интересно, это гудят бегущие электроны?

Моё платье развевается под беззвучными порывами ветра, доносящего запах бензина и цветущей яблони. Солнце словно замерло в какой-то омертвелой красноватой фазе, окрашивающей стены домов в амарантовый цвет.

Здания громоздятся вокруг меня. Серые и невыразительные, с одинаковыми холодными и тёмными стёклами, в которых отражается вялое солнце. Нигде нет людей, словно бы я одна в этом городе. Только со стороны автомагистрали время от времени доносится урчание моторов. Оно сливается в резонанс с гулом проводов и усиливает гнетущее ощущение тишины.

Вещи кажутся такими неестественными. Нужно идти вперёд. Я сама себе кажусь ненастоящей. Нужно о чём-то подумать, чтобы перестать так остро ощущать фоновый страх. Но мне не думается, сейчас я – просто взгляд, который воспринимает окружающие предметы. Взгляд, за которым нет сознания. Я вижу предметы такими, какие они есть, а не такими, какими я привыкла их воспринимать. Словно я четырёхлетняя девочка.

Звук моих шагов. Раньше я его не замечала. Он кажется слишком громким, слишком привлекает внимание, разносясь по пустым улицам и отражаясь от стёкол. Он заставляет моё сердце сбиваться с привычного ритма.

Хочется сбежать отсюда. Гул проводов становится всё сильнее. Почему бы и нет? Я бегу, чувствуя, как двигаются под кожей мышцы, как удары подошв отражаются импульсами куда-то в позвоночник.

Тень...

Она лежит посреди дороги на раскрошившемся асфальте, заключённая в своём двухмерном мире, искажающем пропорции. Я остановилась, не чувствуя удивления. После бега я быстро дышу, но в воздухе словно слишком мало кислорода, из-за чего кружится голова. Неясное движущееся пятно на асфальте рождает внутри меня холодное облако страха, расползающееся всё шире и шире.

Тень беззвучно вытягивает руку, она плывёт ко мне по асфальту – неправдоподобно длинная, чёрная и словно бы наэлектризованная. Воздух становится колючим, словно сигаретный дым, и раздражает лёгкие при каждом вдохе. Рука призрака вливается в мою собственную тень, маленькую и блёклую. Теперь меня и чёрное облако связывает прямая линия тьмы. Словно ухватившись за меня, тень начинает подниматься из двухмерного мира. Она встаёт с асфальта, расправляется в три измерения, превращаясь в тёмную мерцающую фигуру. Это силуэт девушки, её волосы колышутся на несуществующем ветру.

Мы стоим друг напротив друга в полной тишине. Наконец тень медленно отодвигается. Она поворачивается и плывёт дальше по улице. Теперь я могу сделать полный вдох.

Отойдя метров на пятьдесят, тень замирает и оборачивается ко мне. У неё нет лица, но я чувствую в этом жесте призыв. Меньше всего мне хочется следовать за ней, но я починаюсь и медленно шагаю вслед. Предметы слишком резкие и чёткие. Стена рассеянной концентрации, защищающей меня от мира, рухнула. Я слишком здесь и слишком сейчас.

Мы долго идём вперёд по улице, а после сворачиваем в какие-то глухие дворы, которые выглядят совершенно заброшенными в тусклом свете красного солнца. Мы проходим через тёмные арки, мимо покосившихся детских площадок, засохших деревьев и перевернутых мусорных баков.

Наконец мы добрались до свалки строительного мусора. Тень остановилась. Неясная темнота её тела продолжает колыхаться. Я растерянно смотрю на россыпи проржавевших гвоздей, облупившихся ящиков, раскрошившихся кирпичей и разбитых телевизоров.

– Ты что-то хочешь от меня? – спрашиваю я. Тень еле заметно кивает и показывает размытым пальцем куда-то в глубь мусорного наслоения.

– Ты хочешь, чтобы я взяла что-то отсюда? Тень снова кивает.

Я сажусь на корточки и начинаю разгребать руками мокрый и ржавый металл. Под ногти мгновенно забивается грязь, руки желтеют. Я не знаю, что мне стоит искать. Мне попадается безнадежно погнутый гаечный ключ. Интересно, что с ним случилось?

– Это? – спрашиваю я. Тень качает головой. Я продолжаю поиски.

Удивительно, – как только берёшь что-то в руки, бесформенная масса «мусор» распадается на отдельные предметы с отдельными названиями. То, что было частью свалки, превращается в «гвоздь», «плоскогубцы», «обломок ножниц», «раму от велосипеда».

Все эти предметы тень не интересуют. Она продолжает качать головой. Так продолжается долго, пока, наконец, из пустой кофейной банки не выпадает маленький погнутый ключ. Тень кивает и подплывает ко мне вплотную, я чувствую исходящее от неё электричество, которое заставляет мои волосы колыхаться и потрескивать. Я с удивлением смотрю на крохотный и грязный кусочек железа, лежащий на моей исцарапанной ладони. Ключ – это перспективно.

Тень отодвигается и уплывает куда-то вглубь двора, увлекая меня за собой. Мы медленно бредём квартал за кварталом. Нигде ни одного человека. Только неизвестно откуда взявшийся грязно-рыжий кот перебегает дорогу, не отводя от нас напряжённого взгляда.

Наконец мы приходим к ржавому забору, сделанному из плотной железной сетки. Сверху натянуты куцые кустики колючей проволоки. За забором скрывается обшарпанное одноэтажное здание без окон, разрисованное уродливой вязью бессмысленных граффити. Гул проводов здесь переходит в какой-то натянутый звон на грани слышимости. Тень медленно скользит вдоль решётки, я следую за ней. Вскоре мы находим небольшую дыру в сетке.

Тень толкается в неё своим размытым телом, но пройти у неё не получается. Я чувствую удивление. Хотя, если вдуматься, тени вообще не могут проходить сквозь предметы, это предметы рождают тени. Моя спутница делает ещё несколько попыток, и, сдаётся, мы плывём дальше.

Через несколько минут мы достигаем места, в котором решётка проломлена – целый сегмент забора валяется на земле. Тень призывно оборачивается ко мне и всплывает внутрь. Я аккуратно переступаю колючую проволоку, пробираясь вслед за ней.

Мы медленно идём по растрескавшейся плитке, из которой прорастает жухлая трава. Каждый мой шаг отдаётся пружинистым эхом. На стене дома чьей-то не слишком старательной рукой выведено «Головной трансформатор. Не входить».

Чем ближе мы подходим, тем сильнее становится гул, превращаясь из чуть слышимого звука в мощную вибрацию за гранью слухового восприятия. Он проникает во все точки тела, синхронизируя с собой биение моего сердца, отдаётся в животе. Это электрический центр города. Где – то под землёй сюда ведут километры проводов от ядерной электростанции. Именно отсюда расплывается по городу паутина проводов.

Мы останавливаемся около входа. Прогнившая ржав чиной железная дверь закрыта на большой висячий замок. На двери какая-то надпись, но краска облупилась и ничего не разобрать.

Я стояла и ждала. Заполнивший меня электрический гул не давал сдвинуться с места, в его вибрации растворялись моё самоосознание и сама моя личность. Так продолжалось несколько минут, пока я наконец не поняла, что мне предстоит сделать. Я вставила в замок подобранный на свалке ключ, который я сжимала в руке всё это время. С натугой он вошёл внутрь. Отпереть всё никак не получалось, замок был слишком проржавевшим, а ключ слишком погнутым. Прошло много времени, прежде чем в замке что-то глухо щёлкнуло и он упал у моих ног. Я потянула за холодную и грязную ручку. Пришлось приложить все силы, чтобы тяжёлая дверь со скрипом отворилась. Внутри – только беспросветная темнота.

Тень падает животом на асфальт. Мгновение, – и она снова двухмерная. Тень проскальзывает внутрь и сливается с темнотой внутри трансформаторной. Несколько минут я стою на месте, ожидая, что произойдёт нечто особенное. Но всё, что я слышу, – это гул машин от далёкой автострады и собственное дыхание.

Заходить в затхлую темноту мне не хочется. Я разворачиваюсь назад, пролезаю сквозь проржавевший забор и бесцельно иду куда-то сквозь пустые дворы, полные облезлых домов с чёрными окнами.

Начинало смеркаться. Я не знала точно, куда мне идти, поэтому просто шла куда глаза глядят. Всё вокруг казалось чуждым, но в то же время смутно знакомым. Дома сменялись один за другим, пока я вдруг не поняла, что оказалась в своём дворе. Вот они – пустые громады, которые я вижу из окна каждый день. Деревья стоят полузасохшие, в окнах не горит свет.

Я медленно обхожу дом и иду к своему подъезду. Через минуту передо мной оказывается его дверь. Она проржавела и ошетибилась облупившейся краской. Дисплей домофона разбит, но из его глубин по-прежнему что-то злое мигает красным.

Я пытаюсь вспомнить код от двери, я не вводила его уже так давно. Помню, что раньше мои пальцы порхали над кнопками словно бы автоматически. Но теперь они забыли последовательность движений. Я никогда не держала эти цифры в голове, за меня всё делала пружина. Сейчас она лопнула и не может помочь. Что же мне делать?

Я дёргаю дверь изо всех сил, но магнитный замок надёжно удерживает её на месте. Его по-прежнему питает электричество. Я стою ещё несколько минут, нажимая клавиши в случайном порядке, но чуда не происходит. Я вообще не уверена, что замок не сломан.

Идти мне больше некуда. Я сажусь прямо на ступеньки у входа. Неужели получится дожидаться, что кто-то войдёт или выйдет? Почему-то в это не верится.

На асфальте у подъезда чьей-то усердной рукой выведены три сложных иероглифа. Белая краска поблёскивает в свете мерцающей приподъездной лампы.

我愛你

Я вглядываюсь в хитросплетение линий. Взгляд словно окунается внутрь, путается в палочках и крючочках. Они кажутся мне смутно знакомыми. Что-то полузабытое, подавленное в глубине подсознания.

Я подношу пальцы к грязным кнопкам, и набираю, и нажимаю клавишу «ключ». Появляется поле для ввода кода. Я закрываю глаза и позволяю пальцам самим набрать цифры.

Нажимаю кнопку «ключ» – раздаётся резкая, немелодичная трель. Тяжёлая дверь поддается усилию и с натугой открывается. Я проскальзываю внутрь, окунаясь в запах плесени, сырости и мусоропровода.

Вторая дверь открыта, так что я беспрепятственно прохожу в цоколь. Цветы в горшках завяли, окно консьержки заколочено. Я осторожно ступаю на усеянный осколками стекла и обрывками газет пол, подхожу к лифту и нажимаю кнопку вызова.

К моему удивлению, через секунду двери действительно открываются, обнажая узкую кабину, заполненную тусклым жёлтым светом. Стены изрисованы вязью чёрного маркера. Кто-то писал слова одно поверх другого снова и снова, так что прочитав ничего не получится. Я шагаю внутрь и чувствую, что мне становится страшно. Зарождается что-то вроде клаустрофобии, но я беру себя в руки и нажимаю на прожжённую кнопку восьмого этажа.

Лифт неспешно закрывается с глухим лязгом, и я оказываюсь заключена в тусклом полумраке крохотной клетушки. Прошло, наверное, секунд пятнадцать, прежде чем лифт всё-таки тронулся – медленно, со скрежетом и глухими стуками.

Наконец кабину резко трянуло, лифт замер, тусклая лампочка опасно замерцала. Левая дверца с натугой отодвинулась. Правую, похоже, заклинило, она безвольно дёргается на месте. Я осторожно протискиваюсь наружу и оказываюсь на своём этаже. Внешняя железная дверь снесена с петель, она валяется на полу, открывая проход. Я перешагиваю через неё, аккуратно наступая на груды битого стекла. Почти дома.

Вторая дверь стоит на своём месте. Я дёргаю за ручку – открыто. Остовы детских колясок куда-то подевались, стекло в крохотном тускловатом окошке разбито. Ещё несколько шагов. Вот она, дверь моего дома. Как долго я не видела её снаружи, почти забыла, как она выглядит. Искусственная кожа в нескольких местах порезана ножом и заклеена скотчем. Ручка тускло поблёскивает. Дверь больше не кажется ни могущественной, ни пугающей. Она словно одрябля, сморщилась и постарела.

Я ожидала, что почувствую страх, но ощущаю только опустошённое безразличие. Я кладу ладонь на ручку и проворачиваю. Дверь мягко и безвольно открывается, заполняя коридор полосой тусклого жёлтого света. Вместо запаха плесени и мусоропровода меня окутывает почти уютный запах старой пыли. Я разуваясь и иду вперёд в полумраке. Тусклый свет доносится с кухни, там кто-то есть.

Моя семья ужинает. Мама, сестра и дядя сидят за столом под крохотной мерцающей лампочкой. Они медленно поглощают пищу, не обращая на меня внимания. Дядя перелистывает газету, сестра набирает кому-то смску одной рукой. Её пальчики с неаккуратно покрашенными в чёрный ногтями быстро бегают по продавленным клавишам чёрно-белой нокии. Мама задумчиво жуёт, глядя на экран выключенного телевизора так, словно по нему показывают какую-то монотонную передачу.

Один из стульев пустует, на столе рядом с ним стоит тарелка. Я огибаю стол и сажусь за него, мама, продолжая смотреть на экран, накладывает в тарелку салат и пододвигает ко мне вилку.

Беззвучие давит, я радуюсь, когда дядя шуршит своей газетой, перелистывая страницы. Чтобы хоть немного рассеять этот сгусток тишины, я стараюсь погромче постукивать вилкой по тарелке, но это только подчёркивает безмолвие. Так проходит несколько невыносимых минут. Я встаю из-за стола и отправляюсь к себе, так ничего и не съев. Ручка двери привычно щёлкает. Я чувствую облегчение, – наконец-то я вернулась. Накатывает усталость, я чувствую, что потратила слишком много энергии.

Выключатель натужно щёлкнул, и люминесцентная лампа, помигав, разгорелась, осветив комнату вялым голубоватым светом. Я сняла грязное платье и кинула его на пол, оставшись в трусиках и лифчике. Плюшевые игрушки на окне неодобрительно смотрят своими чёрными пластиковыми глазами.

Сажусь за стол. Нужно чем-нибудь себя занять. Пузатый монитор компьютера загадочно поблёскивает. Я нащупываю клавишу включения, и процессор загорается оранжевыми огоньками. Клавиатура запылилась. Я провожу по ней рукой, стряхивая слой чёрной грязи, похожий на сигаретный пепел.

Windows неторопливо загружается, заставляя процессор поскрипывать от натуги. Прошло, наверное, минуты три, прежде чем я увидела рабочий стол. Но система всё никак не хочет работать, вместо курсора бесконечно вращаются на месте пиксельные песочные часы. Они заставляют мою голову кружиться.

Я слишком устала для этого. Протягиваю руку и нажимаю тугую кнопку, чтобы выключить монитор. В отражении я вижу её. Тень замерла в стеклянной поверхности, я чувствую, что она смотрит оттуда на меня.

Что же ты хочешь на этот раз? Кто ты? Я прикладываю к экрану руку и чувствую, как кожу обволакивает колючее статическое поле монитора. Так проходит минута, я ощущаю тень под своей рукой, она пытается мне что-то сказать. Я не слышу, не понимаю. Прикладываю к монитору лоб. Ну же, скажи мне. Я чувствую холодную боль, которая отдаётся в виски, и вот тень уже внутри меня. Ну надо же, мы старые знакомые. Как я могла забыть?

Хватит. Я не хочу больше помнить. Я ложусь на кровать и закрываю глаза. Нужно уснуть, надолго и как можно глубже. Просто ни о чём не думать.

X

*Looking everywhere, but I see nothing but people
Where have they gone? I always thought could never leave them
They are calling me, but they don't know can't stay all night long
Hey, Dr. Strangelove so sad, isn't it true?*

Blonde Redhead

Я открыла глаза. Горло сжалось, я почти задыхаюсь. Пытаюсь пошевелиться, но тело меня не слушается, я парализована. Я слышу чей-то шёпот, но не могу понять, откуда он доносится. В нём есть что-то смутно знакомое, – это тихий голос моей матери, я узнаю интонации, но не могу разобрать слов. На потолке появляется тёмное облако, я ощущаю в нём присутствие какой-то мучительной и грязной силы, взгляд которой проходит сквозь моё тело.

Я пытаюсь дергаться – ну же, я хочу встать, я сплю, и это полусонные галлюцинации. Голова пульсирует от нехватки воздуха. Чёрное облако на потолке становится всё больше и сильнее. Шёпот моей матери сливается в бормотание, уже не похожее на человеческую речь. Ну же!

Я резко сажусь на кровати и жадно глотаю ртом воздух. Ощущение злого присутствия померкло. В квартире полная тишина. Какое-то мутное воспоминание прорывается наружу, заставляя меня вздрогнуть.

Когда-то я уже переживала это чувство, много-много лет назад.

Я вскакиваю на ноги. Как только ступни касаются пола, пережитый страх почему-то растворяется, перестаёт казаться реальным. Я перевожу дух, наслаждаясь ощущением безопасности, удивительно приятным в сравнении с пережитым страхом. Тело кажется лёгким и почти невесомым, где-то в позвоночнике словно бы бегают искорки. Как странно.

Судя по всему, сейчас раннее утро. Ну надо же, я уже так давно не просыпалась раньше двенадцати. Ощущение знания чего-то важного не удержалось в голове. Я пытаюсь настичь его, но ничего не получается. Что же я упустила?

Я открываю окно и вдыхаю запах утренней свежести, слегка разбавленный привкусом городской гари. Как странно. Как всё это странно. Я вдруг кажусь себе такой глупой. Что это за абсурд? Что я, вообще, здесь делаю? Сны и галлюцинации. Я сойду с ума.

Немного подышав, я отправляюсь на кухню и завариваю себе зелёный чай. Я чувствую, что что-то во мне изменилось, но не могу понять, что именно.

Нужно умыться. Я иду в ванную и вглядываюсь в своё отражение. Всё по-прежнему: просто рот, нос, губы, щёки, брови. Удивительно, как это всё складывается в лицо? Концепция внешности – это что-то совершенно неестественное.

Правую щёку я отлежала, где-то на лбу появилось красноватое пятнышко, в уголке носа затаился крохотный прыщик. И почему красноту губ или пятна румянца на щеках мы признаём красивыми, а покрасневшие глаза или красные руки – это недостаток?

Я брызгаю в лицо холодной водой, расчёсываю волосы и возвращаюсь на кухню. Время пить чай. Я так давно не любовалась ранним утром, нельзя упустить такую возможность.

Я наливаю себе первую чашку чая и встаю у подоконника. Солнце только-только выглянуло наружу и освещает дома красноватыми лучами. Этот свет такой сильный, что меняет всё вокруг, преображает настроение целого мира. Под таким мягким утренним солнцем, наверное, очень хорошо идти где-то по большому лугу, пробираясь через мокрую от росы высокую траву...

Как жаль, что я не могу выйти. Сейчас мне хочется хотя бы немного погулять. Но лучше не по городу. Утреннее солнце подчёркивает неестественность всего, что мы создаём. Человечество заковало себя в бесконечное количество паутин и сидит в них, словно в большом коконе. Без любой паутины нам неуютно и страшно.

Фонари погасли, да они уже и не нужны. Фонари сильны только ночью, ведь без плотной паутины электрических столбов, окутывающих улицы сетью холодного света, нам страшно выходить наружу. Кварталы домов прорезаны паутиной дорог, над которыми выются бесконечные провода. Воздух насыщен сотовой сетью, несущей куда-то чьи-то слова вперемешку с пакетами интернет-трафика. Земля пронизана бесконечными переплетениями канализационных труб и туннелей метро, над ней пролегают авиамаршруты, ещё выше кружат спутники, транслирующие телесериалы и GPS-сигналы. Из этой клетки не вырваться, даже если уехать далеко-далеко, в какую-нибудь Антарктиду.

Вообще, если смотреть на землю по спутниковым картам, города напоминают какое-то кожное заболевание. Серые, неряшливые круги похожи на лишай или какой-нибудь разросшийся грибок. Да так оно, по сути, и есть. Во вселенной столько разных вещей, которые повторяются по схожему принципу, но в разных масштабах. Те же электроны крутятся в атомах, совсем как планеты в солнечной системе. А, скорее всего, Земля – это тоже просто электрон в чём-то, существующем в ином измерении размеров. Болезнетворные бактерии и грибки делают то же самое, что и люди. Они не хотят вызывать болезнь, а просто обустривают поверхность кожи для своей жизни. Остаётся надеяться, что космический врач не пропишет Земле антибиотики. Хотя мне, по большому счёту, всё равно.

Солнце восходит до конца, и лучи перестают быть розовыми, теперь стёкла домов блещут от белого молодого света, но в них уже нет той особенной загадочности, транспортирующей сознание в это особенное одухотворённое состояние (Хаксли бы понравилось). Ну всё, шоу окончено, нужно чем-нибудь заняться.

Я делаю себе несколько бутербродов с маслом и неторопливо ем их, запивая чаем. Почему-то захотелось порисовать. Если честно, я никогда не умела этого – пространственное мышление у меня совсем не развитое, а рука плохо слушается. Но, тем не менее, запихав последний бутерброд в рот, я достаю из глубины тумбочки большой лист и отыскиваю свою любимую чёрную ручку.

Итак, передо мной чистый лист бумаги. Никаких образов в голове нет, только желание ощутить сам процесс. Я провожу линию, а потом ещё одну, пока что не зная, во что это сложится. Из неряшливых штрихов постепенно проявляется смутная фигура какого-то неясного существа, похожего одновременно на пингвина, дельфина и девушку в платье. Вместо ног у него нечётко заштрихованная юбка, большие уши скромно прижаты к голове. Существо протягивает руки к какому-то пятну вдалеке.

Ну и что подсознание хотело мне этим сказать?

Моё умение рисовать ничуть не улучшилось с тех пор, когда я была десятилетней девочкой, даже обидно. А я ведь так любила рисовать в детстве. Я до сих пор помню все свои рисунки из той большой розовой тетради. Интересно, куда она подевалась? Сейчас мне кажется, что детство было бесконечным, оно оставило столько ярких образов, которые, стоит мне захотеть, встают перед глазами.

Помню, один раз я сидела и рисовала. Карандаш в руках описывал круг за кругом в середине листа. Я хотела нарисовать чёрную дыру, из которой ничто не может вырваться наружу, даже свет. Только вчера я прочитала в детской энциклопедии о чёрных дырах, и они захватили моё воображение. Мёртвые звёзды, бесконечно поглощающие всё вокруг, внутри которых время то ли остановилось, то ли идёт задом наперёд.

Вряд ли карандашом по бумаге действительно можно было передать всё смертельное величие чёрной дыры, но я очень старалась, штрихую круг раз за разом, в результате чего лист

бумаги истончился настолько, что по ту сторону чёрной дыры уже начала обнажаться вполне будничная поверхность моего стола. Расстроенная этим открытием, я отложила карандаш и встала.

С кухни доносились запахи краски. Там работал нанятый мамой рабочий. Полгода назад нас затопили соседи, и с тех пор краска на потолке кухни представляла собой жалкое зрелище – она облупилась, сквозь потолок проступили волны неряшливых разводов. Мне эти узоры даже нравились – в них каждый раз можно было разглядеть что-то новое. Но маму потолок почему-то приводил в бешенство, поэтому она не пожалела денег на мини-ремонт.

У меня босые исцарапанные ноги, им немного неуютно на холодном паркете, но обуваться слишком лень. Я пробегаю по коридору в усыпанную осколками отскобленной краски кухню и сажусь за стол на слишком большую для меня табуретку. Дядя Витя старательно красит потолок, стоя на опасно пошатывающейся стремянке.

Мне нравится дядя Витя, хотя он немного туговат на ухо и всегда полупьян. Его футболка, штаны и лицо заляпаны краской, но работает он явно с удовольствием, даже высывает наружу кончик языка, обнажая кривые пожелтевшие зубы. От него всегда исходит запах водки, краски и дешёвых сигарет, а лицо у него доброе, открытое, глаза – пронзительно-голубые, алкоголически-блестящие.

Вчера он рассказал мне столько интересных историй, что я не ленюсь смиренно качать ногами, сидя на табуретке и ожидая, пока он слезет, чтобы рассказать ещё одну. Дядя Витя только несколько недель назад переехал из Бийска. Из его рассказов Алтай казался мне каким-то волшебным местом. Он говорил о том, как легко там в лесу встретить медведя. Оказывается, самое страшное – увидеть медведя весной. Осенью они безобидны, как собачки, их можно подкармливать хоть с рук, они лазают по помойкам, едятдохлых ворон, обсасывают малину (сами косточки и ягоды не едят, только надкусывают и пьют сладкий сок). Но стоит увидеть медведя весной или, того хуже, где-нибудь в феврале, как он тут же несётся к тебе, чтобы разорвать, ведь ему нужен белок, и никуда от него не спастись, даже на дереве. Единственный выход – стрелять прямо в пасть и ни в коем случае не в сердце, раненный медведь буйствует невероятно.

«Я сам этих мишек, наверное, штук пятнадцать подстрелил», – признался вчера дядя Витя, лениво выпуская клубы дыма. После этого признания он перешёл на какой-то алкоголически-учительствующий тон (видимо, предполагалось, что я тоже когда-нибудь буду охотиться на медведей). Так я узнала, что, убив медведя, нужно его хорошенько продать. Первым делом надо отрезать от печени желчный пузырь – это самая дорогая часть. Если постараться, можно и шкуру аккуратно с него снять, тоже купят. А мясо – его на салазки и повёз домой, по вкусу-то как корова, можно долго ещё есть.

Пока я вспоминала вчерашний рассказ, дядя Витя заметил меня и неторопливо спустился со стремянки, улыбаясь своей доброй кривозубой улыбкой. Он отложил кисточку на заляпанную ступеньку стремянки, достал из кармана жестяную коробочку с папиросами, взял с плиты коробок спичек и закурил. Многозначительно выпустив клуб желтовато-серого дыма, он сел ко мне за стол.

– Расскажите мне ещё про Алтай! – требую я. Дядя Витя задумчиво затягивается, чешет себе живот, а потом начинает рассказывать историю про озеро Ая. Только сейчас я понимаю, какое огромное влияние оказал на меня образ этого озера, который все эти годы жил своей жизнью в моей голове, проникая в мысли и сны. Он стал неотъемлемым атрибутом моего внутреннего мира, пускай до сих пор я и не осознавала, насколько сильные он пустил корни.

– Ая – это особенное озеро, – медленно начинает дядя Витя, глядя куда-то в стену, словно на неё проецировались из невидимого проектора его воспоминания. – У нас на Алтае озёр много, одно за одним стоят. Но Ая – особенное, оно из вулканического кратера получилось. В него ничего не впадает, там вся вода из-под земли, из родников, и течения нет. Из

земли вода течёт холодная просто до боли, если пить – зубы ломит, потому что сначала во рту тепло, а потом резко мороз. Если сильно отхлебнуть, – виски как занюют. Сверху-то вода прогревается, солнышко ведь светит. А чуть сунься поглубже – просто настолько бррррр (дядя Витя весь передёргивается, показывая, как холодно там, внизу). Ты вот, когда в дом входишь с мороза, холодный воздух он ведь по полу стелется, а тёплый вверх, так и там.

Так вот, утонула в Ае дочка нашего майора. Чего там выделялась, куда поплыла, хрен её знает. Ну наш майор тоже не жопой крыт, говорит, всё, найду её. Нанял водолазов. Они туда спустились один раз и говорят – всё – больше не полезем. Там на дне утопленников немерено, и все стоят строем, как в армии, что их теперь всех вытаскивать, что ли? Ну, майор говорит ныряйте дальше, ищите, денег накинул. Ворует-то будь здоров. Уговорил их, короче, в итоге там кое-как нашли, вытащили. Вот.

Там же, вообще, куча народу тонет. Кверху ведь тепло, а снизу такой мороз (дядя Витя повторяет свой передергивающийся жест). Люди у нас больно храбрые – ныряют туда, а у кого сердце больное, у кого чего. Хлоп из тепла в мороз, у кого хочешь прихватит.

Вот и стоят там по дну утопленники. А знаешь, почему так прямо стоят? А потому что у тебя в голове воздух. Мозг, он не может без кислорода, там в нём постоянно воздуха набрано, он вверх тянет. В лёгких тоже воздух и тоже вверх тянет, а ноги, они тяжёлые, вниз опускаются. Вот так и встаёшь. В реках, там течение есть, – утопленников сносит, и они всплывают. А в Ае никакого течения нет, вот.

А ещё в других озёрах покойники всплывают, потому что гнить начинают. Скапливаются внутри газы гнилостные, и он бац вверх, как пробка. А в Ае на дне холодно до чёрта, в таком морозе пока он там гнить начнёт. Единственный шанс, что всплывёшь, – если рыбы ноги объедят хорошенько.

Я заворожённо слушала дядю Витю, буквально ощущая всем телом холод со дна озера. Проходит несколько секунд, но продолжения не следует. Дядя Витя просто выпускает дым, думая о чём-то своём. Может быть, вспоминает, как нырял в озеро сам. Докурив свою папиросу, дядя Витя вновь забирается на стремянку. Я сижу потрясённая.

Эта история, может быть, даже и не правдивая, не даёт мне покоя до сих пор. Целое дно окаменело стоящих в морозе покойников, над которыми радостно плавают ещё пока живые...

Я снова посмотрела на лист бумаги. Оказывается, задумавшись, я нарисовала ручкой ещё одну чёрную дыру – на этот раз вытянутую. Штрихи ручки лежат друг поверх друга очень жирно, так что чёрная краска поблёскивает. Наверное, примерно такое оно и есть, озеро Ая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.